

Александра ЯНКОВИЧ

■ Тот редкий случай, когда официальное определение «ликвидаторы» сразу же прижилось в народе.

Среди них не только те, кто в страш-

ные апрельские дни 1986-го пытался обуздать взбесившийся реактор. Круг героев гораздо шире. Пожарные, военные и милиционеры, врачи и медсестры, рабочие и колхозники... Спустя сорок лет после аварии некоторые поделились своими воспоминаниями.

ОБЕРЕГАЛИ ЖИТЕЛЕЙ БОЛЬШОЙ СТРАНЫ

Олег ТЕТЕРЯ, тогда - милиционер-водитель:

ЛОСИ И ОЛЕНИ ПРИВЫКЛИ К ПАТРУЛЯМ

Личный архив

- День аварии помню как сегодня. Утром 26 апреля 1986-го я поехал к жене в Гомель, - вспоминает Тетеря. - Вечером вернулся в Брагин. Звонок от дежурного: «Олег, срочно на работу!»

Официальной информации об аварии не было, но по району уже стали распространяться слухи о взрыве на станции. Милиционер вместе с руководством поехал в сторону Чернобыля, до него меньше ста километров.

- Заехали за Комарин (городской поселок в Брагинском районе Гомельской области. - **Ред.**) и видим, как на Чернобыль движутся колонны военной техники. В то время моста через Припять не было, только паромная пере-

права, у которой нас остановили военные и отправили обратно. Сегодня, здраво рассуждая и обладая полной информацией, хочется сказать спасибо тем парням, которые нас развернули.

В Брагинском районе начали устанавливать посты радиационного контроля. В деревнях Желибор, Крюки и Михалевка приборы показывали четыреста - пятьсот миллирентген в час (в сорок - пятьдесят раз выше нормы).

В начале мая с территории района начали вывозить местных жителей. Милиционеры перешли на круглосуточный режим несения службы.

- Людям разрешали с собой брать только самое необходимое: документы, продукты, одежду, - продолжает бывший милиционер. - Многие не понимали, с чем столкнулись. Помню старушку, которая вышла из леса. Мы к ней подъехали, а она говорит: «Хлопцы, что мне ваша эта радиация? Война была, никто нас не вывозил, а тут - придумали».

После отселения семей мародеры лесными тропами заезжали в деревни. Вывозили все, что успевали: дрова, мебель, вилы, лопаты, посуду... По словам Олега Тетери, основная задача была

Валерий ЗУФАРОВ/ТАСС

Сотрудники милиции, дежуря сутками на границах запретных зон, тоже получили изрядные дозы излучения.

не позволить вывезти из зоны отселения радиоактивные предметы.

Через год, когда эвакуировали всех жителей, район изменился. В деревню заселились дикие кабаны, одичавшие лошади, лоси и олени.

- Порой едешь по проселочной дороге, а на лужайке лежат олени и лоси, включишь звуковую сигнализацию, а они не реагируют, привыкли к нам, - вспоминает ликвидатор.

Олег Тетеря с семьей в Брагине прожил до 1992 года. Потом переехал в Минск, где ему за опасную работу дали квартиру.

Александр ШЕСТЕРНЕВ, в год аварии - водитель-санитар: ЗА ШЛАГБАУМОМ - ПУСТОТА

Бывал в чернобыльской зоне трижды. В начале мая 1986-го он, восемнадцатилетний солдат-срочник, прибыл на зараженную территорию в составе отдельной медицинской роты. Был водителем-санитаром.

- Отселение уже началось, но уезжать на тот момент планировали далеко не все, - вспоминает Александр Шестернев. - С медсестрами колесили по деревням и ежедневно брали у местных анализ крови.

Самым страшным, признается ликвидатор, было ощущение всеобщего непонимания: чувствовалось, что случилась огромная беда, но вокруг кипела жизнь, светило солнце, играла музыка.

- Когда наша колонна вошла в город, со всех сторон навстречу бросились люди с единственным вопросом: «Что нам делать?..» - вспоминает он. - Изначально даже медики не до конца осознавали уровень опасности: отдыхали, лежали на траве. Но первые же результаты тестов заставили пересмотреть привычки.

В декабре 1989-го Александр вернулся в зону отселения уже милиционером-водителем.

- Несли службу в закрытой и полностью освобожденной от людей тридцатикилометровой зоне, - объясняет он. - По одну сторону шлагбаума КПП находились мы, по другую - мертвая земля, пустота. Не имущество и не дома охраняли. Оберегали жителей большой страны от того, что мародеры могли вывезти из зараженной зоны. Однажды хитрецы попытались похитить с брошенного завода упаковки фоящих консервов. Страшно подумать, к каким последствиям могло привести их распространение.

В третий раз увидел окрестности Чернобыля, когда природа едва ли не окончательно стерла там человеческий след.

- На Гомельщине оказался случайно: друзья-охотники рассказали, что местная администрация попросила о помощи в отстреле волков, которых развелось огромное количество, - делится Александр. - Проезжая мимо табличек со знакомыми названиями, вспомнил: где-то в этом районе находилась деревня с большими яблоневыми садами. Приятели вызвались показать.

Каково же было удивление, когда машина по асфальту въехала в заросшую хмелем и травой в человеческий рост чащу. Только сады и напоминали, что вокруг когда-то кипела жизнь.

Личный архив

Владимир КАМЕНКОВ, в 1986-м - преподаватель мединститута:

НЕ ХВАТАЛО ДАЖЕ БАЗОВОЙ ЗАЩИТЫ

Авария случилась в субботу. А в понедельник Владимир Каменков, тогда старший преподаватель военной кафедры Минского государственного медицинского института, узнал от коллег, что «вражеские голоса» по радио сообщили о взрыве на атомной станции в СССР. Значения не придавал, ведь официальных сообщений не было. Но совсем скоро получил приказ отправиться в командировку - сменить специалиста-радиолога.

- На спецмашине нас, группу офицеров, в числе которых были инженеры, химики, связисты, поздним вечером привезли в деревню Пирки (Брагинский район), где располагалось руководство оперативной группы сектора № 1.

В белорусском секторе тридцатикилометровой зоны царил хаос.

Военные подразделения прибывали из всех уголков СССР: Закавказского, Среднеазиатского, Прибалтийского, Московского и, конечно, Белорусского военных округов. Но четкого понимания, как действовать в условиях радиационной угрозы, не было. Не хватало даже базовой защиты - респираторов, дозиметров, препаратов йода.

- Разобравшись, где какие части стоят, я разработал памятку для ликвидаторов: как вести себя на зараженной местности, что есть, пить, как удалять радиоактивную пыль с кожи, слизистых, - рассказывает Владимир.

Работали без выходных, спать приходилось по четыре - пять часов, а то и меньше. Подъем, совещание - и поехал по частям и местам, где ликвидаторы проводили дезактивацию:

мыли дома, асфальтированные дороги, снимали грунт с проселков. Ежедневно формировались группы из разных специалистов, которые отправлялись работать на станцию.

- Самые опасные задания выполнялись непосредственно на станции.

Пытаясь избавиться от радиоактивной пыли, мыли со спецсредствами дома и дороги. Убиралась территория станции: люди вручную собирали радиоактивные кирпичи, остатки реактора, обломки, разбросанные взрывами по территории, срезали верхний слой земли. Опаснее всего было очищать крышу третьего энергоблока. Группы добровольцев находились там буквально по несколько минут.

Работы медику-радиологу хватало и без выездов на станцию. До-

Личный архив

водилось смотреть даже за свободным временем ликвидаторов:

- Жарко же. Некоторые разденутся - и давай в футбол-волейбол играть. А нельзя! В садах клубника, земляника созрела, огромная, душистая. Так хотелось! И некоторые срывали, ели. Мы просили, предупреждали, объясняли, но... Лучшее всего действовала фраза, что после таких ягод жене не нужен будешь.

Приходилось держаться в стороне и от домашних животных: радиометры, поднесенные к котам, аж трещали.